

Н. В. Асадуллина

И. Е. РЕПИН И АЛЕКСАНДР III

Взаимоотношения И. Е. Репина и Александра III составляют отдельный сюжет, специально еще не исследованный. Первое заочное знакомство начинающего художника Репина с будущим императором Александром III связано с первой же его серьезной картиной – «Бурлаки на Волге» (1870–1873 г.), написанной по заказу младшего брата Александра – великого князя Владимира Александровича (президента Академии Художеств)¹. Их очное знакомство также было ранним: в 1874 г. в Париже; Репин – пенсионер Академии Художеств, Александр – еще наследник. Они практически ровесники, им примерно по 30 лет.

Александр III действительно любил живопись, был достаточно хорошо образован в художественной сфере, постоянно посещал выставки в России и в Европе и на протяжении всей жизни был далеко не бесстрастным коллекционером (он не только определял место для размещения картин, но и сам покрывал их лаком)². Это не могло быть не замечено в художественном мире. Художественный вкус Александра III был достаточно определенным: он отдавал предпочтение станковой живописи, ему нравились произведения на историческую и религиозную темы, выполненные в классической реалистичной манере, эффектные и техничные. Кроме того, как император, он считал, что искусства должны быть не только приятным развлечением, но и служить государственным нуждам, быть воспитательно-патриотическим примером. Как отмечали современники, со вступлением на престол Александра III наступила мода на все русское, в том числе и на русских художников. Вслед за ним картины русских художников на русские сюжеты стали приобретать в обществе (то есть, можно сказать, что государь был одним из стимуляторов возникновения неорусского направления в стиле модерн)³.

Людьми, способными повлиять на мнение Александра III о художественном произведении, несомненно были два его учителя: К. П. Победоносцев и А. П. Боголюбов. Они придерживались двух прямо противоположных мнений о Репине: Победоносцев считал, что его картины «противны» и не несут в себе ничего, «кроме тенденции известного рода» (то есть политической антимонархической тенденции)⁴, Боголюбов же ценил Репина как талантливого художника и хорошего друга⁵. Но все же решающим, несомненно, было мнение самого царя. Причем, в случае с Товариществом передвижных художественных выставок (далее ТПХВ) решение о приобретении картин зачастую продиктовывалось и государственными интересами. Реформа Академии Художеств, которую советские исследователи считали неоспоримой победой целенаправленной деятельности ТПХВ, явилась также и прямой заслугой Александра III, старания которого преодолели сопротивление как со стороны художников-демократов, так и академических консерваторов⁶. Сохранился черновик доклада конференц-секретаря АХ графа И. И. Толстого по поводу устройства Академической выставки 1890 г., в котором говорится, что «<...> Академия своим прежним покровительством является как будто в глазах общества виновницею неприличного раскола, существующего ныне между русскими художниками», и, что он, Толстой, «имел счастье слышать из уст Государя Императора пожелание, чтобы известный художественный раскол прекратился <...>» Далее И. И. Толстой пишет: «<...> Академия должна быть первой исполнительницею и точным проводником предначертаний Государя Императора, придумав к тому исполнимый способ. Так как членам товарищества (ТПХВ. – Н. А.) нет нужды и не будет охоты идти экспонентами на Академическую выставку, то пусть Академическая выставка попробует идти к «передвижникам»⁷.

Желая же привлечь Репина к работе над реформированием АХ, Александр III сделал довольно крупное приобретение: купил у него картину «Запорожцы пишут письмо турецкому

¹ См.: *Репин И. Е.* Далекое близкое. М., 1964. С. 280-281.

² См.: О в бозе почившем императоре Александре III. (Воспоминания профессора живописи А. П. Боголюбова) // Император Александр III. СПб., 1894. С. 448; Император Александр III // Петербургская Газета. 1913. 17 января; *Лапшин В. П.* Александр III и изобразительное искусство. Набросок к теме // Искусствознание. 1998. № 2. С. 451.

³ *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника // Волга. 1996. № 2–3. С. 172; *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 70.

⁴ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Ч. 2. С. 498–499.

⁵ *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника. С. 44, 137, 139; *Репин И. Е. и Стасов В. В.* Переписка: В 3 т. М., 1948. Т. 1. С. 89.

⁶ См.: *Дневник А.В. Жиркевича // Художественное наследство. И. Репин. Статьи и материалы: В 2 т. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 145, 155; Прахов Адриан.* Император Александр Третий как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. № 4–8. С. 148.

⁷ РНБ ОР. Ф. 781. Д. 66. Л. 1–4.

султану» (1880–1891 г.) за 35 тыс. рублей⁸. На эти деньги Репин приобрел имение близ Витебска⁹.

Итак, личное знакомство Репина с Александром III произошло в 1874 г. Репин был наверняка знаком с личностью наследника не только по газетам, но и по очень сердечным рассказам А. П. Боголюбова, искренне любившего Александра III (Боголюбов по высочайшему повелению присматривал за пенсионерами АХ в Париже, когда там был Репин). К тому же И. Н. Крамской, писавший портреты Цесаревича в 1873–1875 гг., вероятно, делился впечатлениями о нем с Репиным.

Судя по письменным источникам, Репин и вел. кн. Александр с первого знакомства друг другу понравились: цесаревич пожелал оставить за собой основную картину пенсионера-Репина «Садко» (1876 г.) и с тех пор будет следить за его творчеством. Репин тогда же поделился в письме своими благоприятными впечатлениями о наследнике с Крамским (и что примечательно, мнение о первой их встрече спустя почти 40 лет (в 1913 г.) у Репина осталось неизменным)¹⁰.

Постоянные отношения на долгие годы завяжутся у Александра III также и с ближайшими друзьями Репина: В. Д. Polenовым и М. М. Антокольским. С этих пор наследник престола, а затем и Государь станет следить за их творчеством и будет постоянным их заказчиком¹¹.

Но, разумеется, интерес Репина к Александру III был не только как к потенциальному заказчику-покупателю, но и как к первому лицу государства. Путешествуя за границей в 1883 г., он интересуется у П. М. Третьякова и очередной XI выставкой ТПХВ, и коронацией императора в Москве¹².

Александр III – постоянный посетитель художественных выставок. И если в 1870-е гг. он настороженно относится к ТПХВ (хотя приобретал произведения у многих его членов), то в 1880-е гг. уже предпочитает художественное направление передвижников. До осмотра выставки государем художники не продавали своих произведений.

Летом 1884 г. Репин по протекции А. П. Боголюбова получил заказ Министерства Императорского двора написание картины «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве» (1884–1886 гг.). Художник увлекся этой темой (несмотря на то, что в это время он работал над «Иваном Грозным»). Прежде всего Репина заинтересовали «<...> разнообразие типов, выражений, лиц, контрастов, самых неожиданных <...>»¹³, то есть психологические аспекты темы и, конечно, живописные возможности ее решения¹⁴.

Вслед за И. Э. Грабарем, переиначившим слова Репина, в советской историографии было принято считать, что художник в этой картине решил «<...> противопоставить царю и знати – народ»¹⁵. Но сам Илья Ефимович писал П. М. Третьякову о композиционном решении картины, ставя акцент иначе: «Царь и народ на фоне придворной знати»¹⁶. Хотя и намерения идеализировать Александра III, изображать его в образе «царя-батюшки» в окружении «чад своих» у художника тоже не было. К самому сюжету, то есть к содержанию речи Александра III к волостным старшинам Репин относился критически: «Слова, сказанные в той речи, известны, и им суждено было сделать весьма реальный поворот во всей русской жизни, который мы не можем отрицать. Слова эти были вполне консервативны, и никакой сентиментальности <...>»¹⁷, – писал он В. В. Стасову.

К сожалению, не известны свидетельства, позировал ли Александр III для этой картины. Но и утверждать, как Моргунова-Рудницкая, что царь «<...> решительно отказался <...>»¹⁸ позировать, нет оснований. Напротив, в письме 1924 г. Репин писал: «Портретов по памяти я никогда не исполнял и готов дать клятву сейчас, что и впредь никогда не возьмусь за такое невыполнимое для меня дело»¹⁹.

⁸ Репин И. Е. и Толстой Л. Н. Переписка: В 2 т. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 46.

⁹ Репин И. Е. и Третьяков П. М. Переписка. М.; Л., 1946. С. 159–160.

¹⁰ Репин И. Е. и Крамской И. Н. Переписка. 1873–1885. М.; Л., 1949. С. 91; Беседа с И. Репиным // Петербургская Газета. 1913. 17 января. № 16.

¹¹ Антокольский М. М. Его жизнь, творения и статьи. СПб.; М., 1905. С. 510, 612; Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Polenов. Елена Дмитриевна Polenова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 259.

¹² Репин И. Е. и Третьяков П. М. Переписка. 1873–1885. С. 74–75.

¹³ Там же. С. 90.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Грабарь И. Э. Репин. В 2 т. М., 1937. Т.1. С. 282; Моргунова-Рудницкая Н. Д. Илья Репин. Жизнь и творчество. М., 1965. С.154.

¹⁶ Репин И. Е. и Третьяков П. М. Переписка. С. 90.

¹⁷ Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. Т. 2. С. 92.

¹⁸ Моргунова-Рудницкая Н. Д. Указ. соч. С.155.

¹⁹ Письмо И. Е. Репина к Р. Н. Андреевой-Верещагиной от 24 апреля 1924 г. // РГАЛИ. Ф. 842. Оп. 1. Д. 10.

Картина вышла замечательной – это одно из лучших произведений Репина²⁰. И она была оценена по достоинству. Александр III, живо принявший картину, даже сделал «<...> кое-какие замечания <...>», по которым художник внес поправки, но «<...> вообще все они (члены царской фамилии, придворные. – Н. А.), – по свидетельству самого Репина, – были очень довольны картиной»²¹.

В своей монографии о Репине С.А. Пророкова о «Приеме волостных старшин» пишет не иначе как о «постыдной слабости» Репина, факте в биографии художника, о котором «неприятно и неловко вспоминать»²². Подобное мнение оспаривал даже В. В. Стасов (которого уж никак нельзя заподозрить в симпатии к монархии). Вот как он писал об этой картине Репина П. М. Третьякову: «<...> какое несчастье, что в Ваши коршунские лапы и жадные объятия не попадет та картина, которую он теперь кончает: «Волостные старшины перед Александром III». Это великий шеф d'oeuvre. Репин все зреет и растет. Он теперь на высшей точке своего таланта»²³.

Одним из самых важных и спорных моментов в отношениях Александра III и Репина была история с картиной «Иван Грозный и сын его Иван» (1881–1885 гг.). Это одно из наиболее значительных произведений в русской живописи потрясло современников. А. С. Суворин в рецензии написал: «<...> ничего более сильного, страшно реального и смелого, не создавал Репин»²⁴. А сам исторический факт вызвал просто шок у широкой публики: «Неужели это хоть немного верно истории?», – спрашивал Н. В. Неврев в письме к П. Н. Полевому²⁵, хотя за 20 лет до Репина на эту тему была написана картина художником В. Г. Шварцем («Иван Грозный у тела убитого им сына» (1864 г.) и она также была приобретена П. М. Третьяковым). Но именно сила художественного таланта Репина сделала этот неприглядный факт русской истории известным всему обществу.

Существует мнение, что эта картина языком иносказания обличает преступника-убийцу на троне, разгромившего «Народную волю» и казнившего первоапрельцев²⁶. Сам Репин неоднократно в личной переписке и публично объяснял свой замысел по-разному²⁷. Если суммировать все известные его высказывания по этому поводу, то можно сказать, что художник посредством драмы человеческой передал ощущение исторического времени (Репин никогда не одобрял ни карательных мер властей, ни террора революционеров): «<...> 1881 г. ...Кровавое событие 1 марта всех взволновало. Какая-то кровавая полоса прошла через этот год...»; «<...> я слышал <...> новую вещь Римского-Корсакова «Месь» (2 часть симфонии «Антар» – «Сладость мести». – Н. А.). Эти звуки завладели мною, и я подумал, нельзя ли воплотить в жив[опи]си то настроение, которое создалось у меня под влиянием этой музыки»²⁸, – вспоминал художник в интервью 1913 г. В черновых же записях Репин был более откровенен: «Современные, только что затягивавшиеся жизненным чадом, тлели еще не остывшие кратеры ...Страшно было подходить – несдобровать ...Естественно было искать выхода наболевшему трагизму в истории ...Началась картина вдохновенно, шла залпами ...Чувства были перегружены ужасами современности ...А наша ли история не дает поддержки ...»²⁹

По отношению же к самому сюжету Репин считал главным «<...> не внешний ужас, а любовь отца к сыну и ужас Иоанна, что вместе с сыном он убил свой род и, может быть, погубил царство»³⁰. Художник пытался выразить «<...> идею развития излишества страсти в человеке и их кару этим прощением пострадавшего...»³¹

Запрет же на демонстрацию публике «Ивана Грозного» (как и ожидание запрета на другие его картины) Репин считал плодом интриг академических чиновников и царедворцев³². Так, например, предвидя возможные затруднения с показом публике картины «Арест пропагандиста» (1880–1892 гг.), художник предварительно показал ее Александру III. И хотя сюжет картины не

²⁰ В советское время картина не выставлялась, сейчас она заняла достойное место в репинских залах Третьяковской галереи.

²¹ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929. М., 1950. С. 21.

²² Пророкова С. А. Репин. М., 1997. С.289.

²³ Письмо В. В. Стасова к П. М. Третьякову от 9 октября 1885 г. Цит. по: Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. Прим. к 2 т. С.323.

²⁴ Незнакомец (Суворин А. С.) Картина Репина // Новое время. 1885. № 3218.

²⁵ Письмо Неврева Н. В. к Полевому П. Н. от 29 января 1886 г. // ГРМ ОР. Ф. 14. Д. 99. Л. 7–8.

²⁶ Троицкий Н. А. Языком иносказания // Искусство. 1972. № 10; Моргунова-Рудницкая Н. Д. Илья Репин. Жизнь и творчество. М., 1965. С. 141.

²⁷ Репин И. Е. Далекое близкое. С. 295–296; Беседа с И. Репиным // Русское слово. 1913. 17 января; Волошин М. О Репине (о пострадавшей картине). М., 1913. С. 40.

²⁸ Беседа с И. Е. Репиным // Русское слово. 1913. 17 января.

²⁹ Черновые записи Репина [1913 г.]. Пенаты. Цит. по: Ляковская О. А. Репин: Жизнь и творчество. М., 1982. С. 187–188.

³⁰ Волошин М. О Репине (о пострадавшей картине). С. 40.

³¹ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. С. 51.

³² См.: Репин И. Е. и Третьяков П. М. Переписка. С. 101; Император Александр III и И. Е. Репин // Петербургская Газета. 1913. 17 января. № 16.

понравился императору, но разрешение было дано³³. Здесь уместно сослаться на очень важное свидетельство из черновика письма И. Н. Крамского от 17 февраля 1885 г. в защиту картины Репина «Иван Грозный». В нем сказано, что когда Александр III «<...> выразил свою ВЫСОЧАЙШУЮ волю в форме желания, чтобы картина эта не была показываема провинциальной публике. <...> Его ВЕЛИЧЕСТВО в ту минуту еще не изволил видеть картины <...>»³⁴, а данное решение было принято по настоянию гофмаршала В. В. Зиновьева.

Что же касается часто цитируемой характеристики данной Репиным Александру III, что он «осел во всю натуру»³⁵, то она была реакцией в минуту негодования на публикацию в 1923 г. письма К. П. Победоносцева к Александру III³⁶, из которого стало ясно, что картину запрещали именно благодаря чрезмерному верноподданничеству обер-прокурора Синода. Последующие слова этого же письма говорят о том, что Репин был склонен более винить последних двух самодержцев в излишнем доверии к таким личностям как Победоносцев и Распутин. Впрочем и самого Александра III как символ и воплощение всего отрицательного, что есть в монархизме, художник называл «реакционным чудищем» и «давилкой»³⁷. А все правительство Александра III Репин называл не иначе как «<...> царство идиотов, бездарностей, трусов, холуев и подобной сволочи, именуемой министрами государств и заботящихся о собственных животишках»³⁸.

В общем, Репин считал даже, что царские власти терпимо относились к негодным, социально-острым художественным произведениям. По его мнению, они были толерантнее к своим идейным противникам в искусстве, чем идеолог демократического художественного лагеря В. В. Стасов, известный своей нетерпимостью к инакомыслящим³⁹. Эту нетерпимость Репин испытал на себе, когда, вопреки мнению Стасова, он решил войти в состав реформируемой под началом нового вице-президента графа И. И. Толстого АХ (куда приглашался и Стасов). По мнению Стасова, со стороны Репина это были «<...> измена республиканству и демократизму в ис[кусств]е и перебегание в монархический и автократический лагерь ис[кусств]а»⁴⁰. Размолвка по этому поводу затянулась на годы. Вот как оценивал ситуацию Репин в письме к своему другу, учителю и, на тот момент, оппоненту В. В. Стасову: «Во всяком случае, правительство наше очень терпеливо относится ко всем почти явлениям в нашем ис[кусстве]. «Бурлаков» моих по эскизу моему заказал мне в[еликий] кн[язь] Влад[имир] Александрович; «Запорожцев» купил государь. Вообще, правду сказать, они беспристрастнее Вас и совсем уж не деспотичны в своих требованиях»⁴¹.

Надо признать, что непонимание Репин встречал не только со стороны Стасова. В. И. Суриков и В. М. Васнецов отказались от преподавания в Академии. М. В. Нестеров в своем письме к родителям и сестре писал о Репине, что он «<...> делает все чтобы быть на виду, и это ему удается, но стоит очень дорого <...>»⁴².

Русским художникам наконец-то предоставлялась реальная возможность воплотить мечты «<...> о создании НАЦИОНАЛЬНОЙ русской школы живописи» и искусства родного, понятного народу⁴³. И со стороны Стасова было несправедливо обвинять Репина за намерение послужить обществу и искусству своими талантом, знаниями и авторитетом для создания русской демократической школы искусства. И из числа передвижников были и те, кто поддержал Репина. В состав профессоров-руководителей АХ вошли: В. Е. Маковский, И. И. Шишкин, А. И. Куинджи, Н. Д. Кузнецов.

Подводя итоги, вопреки сложившемуся стереотипу, следует сказать, что хотя И. Е. Репин на протяжении всей жизни был убежденным антимонархистом и поборником республики (о чем он неоднократно заявлял и в личной переписке и публично)⁴⁴, и ненавидел само понятие «царь», в принципе он не переносил это отношение на личность самого императора Александра III.

³³ См.: Художественное наследство. И. Репин. Т. 2. С. 355.

³⁴ Крамской И. Н. Черновик письма [Министру Двора гр. И. И. Воронцову-Дашкову] от 17 февраля 1885 г. // РНБ ОР. Ф. 392. Д. 9. Л. 1–2.

³⁵ Репин И. Е. Избранные письма. С. 356. Чуковский в 1935 г. в газетной статье цитировал это письмо Репина иначе, без упоминания имени Александра III, так что данная характеристика относилась к К. П. Победоносцеву. См.: К. Чуковский. Репин. К 90-летию со дня рождения // Правда. № 5(6251). 1935. 5 января.

³⁶ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1. С. 49–499.

³⁷ Репин И. Е. Избранные письма: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 260.

³⁸ Там же. Т. 1. С. 333.

³⁹ Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. Т. 2. С. 402, 430–431.

⁴⁰ Письмо В. В. Стасова к Д. В. Стасову от 28 октября 1891 г. // Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. Прим. к т. 2. С. 422.

⁴¹ Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. Т. 1. С. 20.

⁴² Письмо М. В. Нестерова к родителям и сестре от 5.03.1894. ГТГ ОР. Ф. 100. Д. 89. Л. 1–2.

⁴³ Репин И. Е. Далекое близкое. С. 157, 160.

⁴⁴ Репин И. Е. и Стасов В. В. Переписка. С. 77–78. Репин И. Е. Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. Л.; М., 1937. С. 55; Репин И. Е. и Крамской И. Н. Переписка. С. 90–91; Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям. М., 1950. С. 175–176; Репин И. Е. Избр. письма: В 2 т. Т. 1. С. 94; Т. 2. С. 320–321; 324–325.